

СЛУЖИЛЫЕ ИНОРОДЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ В XVI ВЕКЕ⁹

В статье рассматривается история военной службы неславянского населения Нижегородского края во второй половине XVI в., т.е. в период черемисских войн и закрепления российской власти в землях к югу от Нижнего Новгорода. В Нижегородском, Арзамасском и на востоке Муромского уездов были созданы поместья служилых татар, а также к военным мероприятиям привлекалось мордовское ясачное население. Автор характеризует положение этих этно-сословных групп в составе российского войска и приводит известные на сегодня эпизоды их военной истории.

Ключевые слова: служилые татары, Московское царство, ясачные люди, мордва

Основным инструментом внешней политики московских государей было поместное войско, сформировавшееся во второй половине XV века. С самого начала в его состав входили как русские дети боярские, так и служилые татары, а с XVI в. – служилые мордва, марийцы и чуваша (тарханы), несшие военную службу на близких к детям боярским условиях¹⁰. В данном сообщении мы рассматриваем военную службу служилых татар и мордвы Нижегородского края в XVI в., когда этот регион перестал быть восточной окраиной Московского царства, и местное неславянское население окончательно вошло в его сословную систему.

Ранее эти данные приводились в наших статьях и книгах (Илюшин, 2017; Илюшин, 2019; Илюшин, 2020; Илюшин, 2021), но были разбросаны по большому тексту; здесь же даётся обобщение сведений именно по служилым инородцам Нижегородского края (Нижегородского, Арзамасского и Муромского уездов). История формирования ряда групп служилых татар (арзамасских, курмышских, кадомских, алатырских, темниковских) была рассмотрена С. Б. Сенюткиным, однако упор делался на историю хозяйственного освоения края, историю населённых пунктов, в то время как участие татар и мордвы в военных действиях затрагивались вскользь и с некоторыми неточностями. Так, говоря о начале службы арзамасских татар во внешних войнах, исследователь назвал ливонскую кампанию 1579 г., пропустив события 1577 г., к тому же обозначив это как «сражение с Ливонией», хотя война уже много лет велась между Московским царством и Великим княжеством Литовским, а официально Ливония потеряла независимость в 1561 году (Сенюткин, 2001. С. 41).

⁹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

¹⁰ Фактически, хотя в историографии служилых «по отчеству» инородцев к поместному войску часто не причисляют.

Одновременно с работой С. Б. Сенюткина вышла книга А. М. Орлова, где также рассматривалась история и этногенез нижегородских татар начиная с их «булгарских истоков» (Орлов, 2001). Обширный охват при небольшом объёме, как нам кажется, не позволил глубоко проследить именно военную историю служилых татар Нижегородского края. Тем не менее, книга будет полезной для ознакомления с процессом формирования мишарей, их исторических поселений и основных вех истории.

В статье рассматривается преимущественно военная история нескольких территориальных групп служилых татар и ясачной мордвы, имеющих отношение к Нижегородскому краю в историческом и современном понимании: татары нижегородские, арзамасские, мордва нижегородская, арзамасская и муромская.

Нижегородские татары упоминаются в связи с военными действиями с начала 60-х гг. XVI века и пропадают из источников ещё до конца столетия. Можно предположить, что под ними подразумевались те из мещерских татар, что в последние годы Казанского ханства или после захвата Казани были испомещены вблизи Нижнего Новгорода, но позже все оказались переведены в Арзамасский и другие, более южные уезды, где они были нужнее.

Арзамасские служилые татары начинают фигурировать в источниках с конца 70-х гг. Первое их упоминание, которое нам известно, относится к 1577 г. По сведениям С. Б. Сенюткина эта группа служилых татар сформировалась из представителей балаковских, кадомских, темниковских и др. групп татар (Сенюткин, 2001. С. 41–44) (кадомцы вливались в состав арзамасских татар в конце XVI века (Книги новоусадцких тотар..., 1916. №95)). Можно уверенно предполагать, что в их состав также влилась значительная часть нижегородских татар, расселённых до начала освоения Мордовской земли где-то южнее Нижнего и севернее Арзамаса. Помимо верстанных земельными окладами служилых татар-переселенцев, в состав арзамасских служилых попали, видимо, ясачные татары-старожилы (Сенюткин, 2001. С. 97).

Ратники из нижегородской мордвы упоминаются с середины XVI в. (можно полагать, что привлекать к военной службе северную мордву российские власти начали при продвижении вглубь Мордовской земли, что стало возможным после завоевания Казанского ханства) и в течение XVII века. Судя по сведениям за XVII в., под нижегородской мордвой подразумевалось именно ясачное население, которое никуда не переводили – в отличие от служилых людей. Обособленной и малочисленной группой служилых людей были мордовские мурзы, появившиеся в Арзамасском уезде в конце XVI века (Ишеев, Акчурин, 2010. С. 109–115). Стоит напомнить, что ещё в XIX в. мордва составляла значительную часть населения Терюшевской волости Нижегородской губернии (ныне – Дальнеконстантиновский район менее чем в полусотни км от Нижнего Новгорода). С основанием русского военно-административного центра в Арзамасе появилась ещё одна мордовская группа – арзамасская.

Как видно, в обоих случаях это чисто административные понятия. Под муромской мордвой подразумевалось население окского правобережья к востоку от Муром, на территории совр. Нижегородской обл. В XVII в. такое обозначение тамошней мордвы пропадает из источников. Можно допустить, что из-за активного расселения русских людей муромская мордва переселилась на восток – в Терюшевскую волость и далее.

Нижегородская, муромская и арзамасская мордва – всё это эрзя. Когда-то в историографии было отмечено, что в ряды российского служилого сословия влились мокшанские мурзы, в то время как верхи эрзи, долго не выказывавшие никакого желания подчиняться Москве, оказались на положении ясачного населения и в служилое сословие не вошли (Кузнецов, 1912. С. 37). Однако, стоит всё же пояснить, что по крайней мере в XVI в. эрзяне (арзамасская, нижегородская и алатырская мордва) принимали достаточно активное участие в военных действиях, так что если они и находились на положении ясачных людей (царя и служилых татар, с которыми выезжала на службу арзамасская и алатырская мордва), то их военное значение всё же было куда выше, чем у русской посошной «фрати».

Кроме того, некоторая часть арзамасской мордвы могла войти в состав служилых татар (Сенюткин, 2001. С. 59–61). В литературе уже отмечалось сближение ряда групп служилых татар с мордвой, их взаимная ассимиляция. Вообще, вопрос об этническом составе служилых татар до сих пор неясен. Можно считать установленным, что изначально этот слой сформировался из этнических татар и ногаев, и они же составляли основную его часть. Однако имеется точка зрения, согласно которой «служилые татары» – прежде всего сословный термин, обозначающий служилого человека неславянского происхождения, преимущественно из Степи или Среднего Поволжья (Измайлов, 2012. С. 34–35). Соответственно, в число татар ряда локальных служилых корпораций могли входить представители мордвы. Как подчёркивается в недавнем исследовании, служилая мордва имела тенденцию к слиянию со служилыми татарами (Казачество..., 2018. С. 206), если не в этническом плане, то в плане восприятия их российской бюрократией (хотя мы не согласны с авторами монографии, что служилые мордвины назывались также тарханами – так именовались, судя по географии и именам, чуваша и марийцы).

С. Б. Сенюткин отмечал, что никаких документальных сведений об участии татар Нижегородского края в завоевании Казани нет, только гораздо более поздние предания, собранные И. А. Милотворским (например, о присоединении к русскому войску Бахмет-мурзы со своими людьми, который затем отличился при штурме города; мурза был правителем татарской деревни Пары (Сенюткин, 2001. С. 36)). Вероятнее, что как таковых нижегородских служилых татар до 1552 г. не было (разве что отдельные татарские помещики в северных

мордовских землях), но через несколько лет такая группа сложилась из переведённых мещерских татар, участвовавших в казанском взятии. Отсюда могут происходить и предания.

Предания о важной роли мордвы в последнем казанском походе также известны, но реальный вклад их отрядов очень скромный. Конкретных же сведений о присутствии в войске Грозного нижегородской мордвы документальные источники, нами исследованные, не содержат.

После завоевания Казани стало возможным приступить к широкой колонизации русскими людьми Мордовской земли, начинавшейся всего в нескольких десятках км к югу от Нижнего Новгорода и Волги. Однако из-за активного сопротивления татар и марийцев завоевателям, приведшего к нескольким черемисским войнам, первые десятилетия освоение это велось преимущественно служилыми людьми и администрацией. Во последней трети века на севере Мордовской земли появились первые военно-административные центры и русское население. Важнейшим шагом в этом направлении было основание в Арзамасе в 1578 году укрепленного города. Поскольку регион был открыт для набегов из степей, в начале 70-х гг. была создана особая пограничная служба, а в прилегающих к степям районах были помещены служилые татары, на этой службе занятые. К этой службе привлекалась и местная мордва.

После же завоевания Казанского ханства (к 1557 г. были на много лет подавлены все очаги сопротивления татар и марийцев) Московское царство ввязалось в затяжной конфликт в Ливонии, серия войн за территорию которой позже будет названа Ливонской войной. Участвовавшие в этих войнах московские войска отличались значительной этнической неоднородностью. Грозный, видимо, рассчитывал запугать противников как огромной численностью войск, так и множеством разных народов, которыми он повелевает. Поэтому жечь немецкие, латышские и эстонские хутора и сёла шли помимо русских, также татары, мордва, черемисы, башкиры и черкесы.

В конце 1557 г. были собраны рати для нападения на Ливонскую конфедерацию. Номинально войско возглавлял бывший казанский хан Шах-Али. В составе полка Левой руки числилась нижегородская мордва с Иваном Петровым сыном Новосильцевым, в Сторожевом полку – муромская мордва с Иваном Семёновым сыном Курчатовым (РК 1598. С. 170–171; РК 1975. С. 72–73; РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 18; ПСРЛ. Т. 13. С. 287). Численность войска могла доходить до 20 тыс. чел. и выше. Основной задачей его было нанесение максимального ущерба сельской Ливонии. Царь рассчитывал запугать ливонцев и склонить их к принятию своих драконовых условий (Пенской, 2014. С. 29–33). Ратники могли рассчитывать на большую добычу в Ливонских землях.

Вступив в ливонские пределы, воеводы распустили «загоны» (лёгкие конные отряды) для разведки и диверсий. Основной целью, видимо, был Дерпт (Юрьев, совр. Тарту) (Пенской, 2014. С. 32). Достигнув его, воевода А. Глинский разослал по окрестностям новые загоны. Известно, что под Лаис выступил отряд из детей боярских, черкесов, мордвы и татар, которые продолжили жечь, грабить и избивать население. Отмечается захват большого количества жеребцов. После этого войско повернуло на Русь. Утверждается, что потери составили несколько десятков человек – в основном в загонах (ПСРЛ. Т. 29. С. 260–261; Пенской, 2014. С. 29–33).

После взятия Нарвы последовала череда «градоимств» и к осени 1558 г. в руках Грозного оказалась вся северо-восточная Ливония (совр. восток Эстонии), а последний ливонский магистр вскоре был вынужден принять литовское подданство.

После разгрома царским войском Ливонской конфедерации в делёж «ливонского наследства» вступило Великое княжество Литовское. Масштабные военные действия против литовцев царь начал в 1562 году. При подготовке к войне в пограничные города были направлены дополнительные контингенты на случай литовского нападения; 9 марта в Смоленск царь послал рать под формальным командованием касимовского хана Шах-Али и других служилых Чингисидов. В состав этой рати входили служилые татары разных уездов, в том числе нижегородские, и мордва (РК 1598. С. 196–197; РК 1605. Т. 2. Ч. I. С. 101–103). Воеводам смоленских полков предписывалось после окончания перемирия с литовцами (25 марта) послать на литовские земли татарских «царевичей», воевод «со многими людьми и с Тотары и с Мордвою». В состав этого контингента, возможно, входили и нижегородские татары. Нападению подверглись окрестности Орши, Дубровны и Мстиславля. Были сожжены слободы у первого города, посад у последнего; уведён многочисленный полон (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 340). Сильнейшее половодье, однако, не помешало провести удачный недельный рейд на территорию противника; более того, литовцы, видимо, и не ожидали вторжения в таких условиях (Пенской, 2019. С. 51–52).

В конце ноября на литовцев выступил с ратью сам Иван Грозный. Целью похода был литовский Полоцк. Это военное предприятие примечательно тем, что до нас дошла книга, его описывающая. В Ертауле из 1,8 тыс. ратников числилось 293 бортников и нижегородской мордвы (Книга Полоцкого похода... С. 45) (15,5% состава), в Сторожевом полку из 3,5 тыс. ратников мещерские бортники и муромская мордва насчитывали 729 человек (РК 1598. С. 197–198; РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 109–110, 113–115; Книга Полоцкого похода. С. 32–33, 43–44).

Царь осадил Полоцк 31 января. Осада была долгой. Пока тянулись переговоры, сменяемые перестрелками, разъезды и «загоны» из татар и дворян ходили по округе. В их задачу входила, в том числе, разведка и захват языков. От захваченных 13 февраля казанскими

татарами литвинов стало известно о подходе крупного литовского войска (что, видимо, было дезинформацией (Филюшкин, 2015а. С. 248)). По этим вестям были высланы для охраны тремя полками рати под формальным командованием «царевича» Ибака (РК 1605. Т. 2. Ч. II. С. 127–128). Войско, вышедшее 16 февраля, направлялось в сторону Вильны, и должно было «Литовские земли воевати» и «проведывати» о подходе литовцев. В летописи приводится сомнительное сообщение, что с «царевичем» отправилось 15 тысяч татар (ПСРЛ. Т.13. Ч.2. С. 363). Вряд ли столько людей могло быть в 3 полках вообще, включая русских дворян. По Книге Полоцкого похода (помимо детей боярских) в составе полков выступили ногайские мурзы Тахтара с их людьми, «сеитов полк», Шигалеев двор, все мещерские, муромские, нижегородские, казанские, свияжские, чебоксарские люди, новокрещены, князья, мурзы и казаки, а также черкасские князья. В походе татары шли впереди воевод и детей боярских (Книга Полоцкого похода. С. 65–66). Малочисленное войско гетмана Радзивилла от боя уклонилось (Филюшкин, 2015. С. 250). В конец концов, Полоцк пал.

В 1569 г. Великое княжество Литовское и Польское королевство окончательно слились в единую Речь Посполитую, королём которой был избран Стефан Баторий.

Летом 1577 г. русское командование начало готовить новый большой поход на Ливонию. Войско под командованием Ивана Грозного собиралось в Новгороде и выдвигалось во Псков, где было пересмотрено и реорганизовано. Известно, что смотр и составление росписей разных групп, его составлявших, были поручены нескольким воеводам. Василий Григорьевич Зюзин занимался князьями и мурзами, касимовскими татарами, кадомской, цненской, темниковской, алатырской, арзамасской, нижегородской мордвой, бортниками (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 466).

Большое (ок. 24461 чел. только ратников, без «инженерных» контингентов) войско должно было выбить из Ливонии литовцев и поляков. В составе Государева полка отмечено 40 чел. нижегородской мордвы (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 448, 454, 464). В Передовом полку (почти 3 тыс. чел.) числилось 40 арзамасских и алатырских казаков и мурз (РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 472–473). Остальные арзамасские татары (287 казаков и мурз с алатырской мордвой под командованием И. Хохлова) состояли в Сторожевом полку «малой» трёхполковой рати кн. Т.Р. Трубецкого, посланной на «немецкие» города впереди основных сил. В этот же полк перевели нижегородских бортников и мордву (те же 40 чел.) (РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 478–482).

Царские полки взяли ряд городов почти без сопротивления. Малочисленные гарнизоны не могли противостоять такому войску. Баторий занимался подавлением мятежа в Гданьске. Поэтому летом 1577 г. московские войска без проблем продолжали захват земель и городов. К сентябрю 1577 г. московские войска контролировали большую часть Эстляндии и почти всю

Лифляндию к северу от Западной Двины. Это был наивысший успех за все годы войны в Ливонии (Филюшкин, 2015. С. 299, 302–303).

В июне 1579 г. царь организовал новый поход «на Немецкую и на Литовскую землю». Общая численность войска, судя по разрядной записи, 27969 чел. В состав рати входило 6061 чел. инородцев, включая арзамасских татар и, видимо, мордву (РК 1605. Т.3. Ч. 1. С. 54, 61–62).

Ответ Батория последовал тем же летом; ему удалось собрать большое войско, эффективно действовавшее против россиян (Филюшкин, 2015. С. 320–325). Столкнувшись с противником, сопоставимы по численности, но привыкшим к съёмному бою и практиковавшим современные методы войны, русские и татарские рати стали давать слабину. Возникла угроза польско-литовского вторжения уже непосредственно в российские пределы.

В мае 1580 г. на Вязьме стоял Симеон Бекбулатович Тверской, возглавлявший полки, расположившиеся по нескольким окрестным городам. Арзамасские татары числились в Большом полку (Разряды похода..., 1914). Вскоре из этого войска была выделена отдельная рать под началом В.Д. Хилкова. В мае 1580 г. она находилась в Великих Луках и после 9 мая для её усиления в город были направлены многочисленные служилые татары и мордва, включая арзамасских татар. В случае активных боевых действий в районе кн. Хилков должен был идти ко Пскову, а в случае похода Батория на Смоленск – к Вязьме (Грамота из Разрядного приказа... №1, С. 205–206). Однако, многие служилые люди задерживались с прибытием или же вовсе не приезжали на службу. Среди нетчиков ещё 17 июня числились и арзамасские служилые татары. В отписке воеводы Хилкова в Разрядный приказ сказано, что из татарских голов с контингентами к нему приехали только Петр Наумов с «царёвым» двором и Юрий Тутолмин (Тутомлин?) с двором царевича Будалея; остальные же были в нетях (Отписка... №28. С. 231–232). Прибыли ли арзамасские татары в итоге в полки – неизвестно.

Стоя в Великих Луках, воеводы рассылали по округе «заставы» для проведывания противника. Эти команды состояли из детей боярских и татар и находились под командованием голов. Проведывать должно было окрестности Лук, Невеля, Ржева. В случае столкновения с «литовскими людьми» им предписывалось по возможности чинить над ними «дело». Видимо, предполагаются незначительные контингенты противника, разъезды (Грамота из Разрядного приказа... №2, С. 208–209). Хилков разослал заставы с татарами по Усвятской, Озёрицкой, Невельской и Заволоцкой дорогам (Грамота из Разрядного приказа... №4, С. 210).

В конце июля Хилкову предписывалось собрать все заставы и двинуться с полками в Холм (совр. г. в Новгородской области). Там к этому контингенту должны были присоединиться казанские татары с головами, отправленные туда из Торопца. Там нужно было

чинить «литовским людям поиск» (разведку), причём бережно, чтоб... с литовскими людьми не сойтись». Грамота с новыми директивами была получена 4 августа (Грамота из Разрядного приказа... №4, С. 210–211). В августе, в связи с приближением неприятеля с артиллерией к Велижу, Усвяту и Невелю (совр. Псковская обл.), Хилкову было велено выйти из Холма и встать недалеко от Великих Лук и Торопца, посылать за языками татар, а также побивать вражеских «загонщиков». Всё также нужно было избегать серьёзных боестолкновений и проводывать подход больших сил неприятеля (Грамота из Разрядного приказа... №7, С. 213–214).

Велиж и Усвят всё же были сожжены «литовскими людьми». Во второй половине августа Хилкову из Разрядного приказа пришла грамота с приказом продолжать вредить королевским войскам: «и вы б про литовские люди проводывали, чтоб вам от литовских людей далеко не отходить, и нашим бы есте делом промышляли по нашему наказу и смотря по тамошнему делу, под литовские люди голов с татары посылали и велели им под литовскими людьми нашим делом промышляти, чтоб литовским людем в походе и в стоянье помешка и нужда чинить, чтоб на них безпрестанно частыми посылками приходите. А тово б естя однолично береглись, чтоб на вас большие литовские люди не пришли, и ходили б естя бережно и стояли, переходя, не в одном месте и нашим делом над литовскими людьми промышляли, а себя берегли, а на прямое дела с ними однолично не ставились, а будет пойдут на вас литовские большие люди, и вы б от них отходили да и головам бы естя наказывали, чтоб под литовскими людьми ходили бережно и на литовских людей приходили розделяся на загонщиков ночным и денным временем, как будет пригож, чтоб над литовскими людьми нашего дела поискати, а себя уберечи, а на большое б дело с литовскими людьми не ссланивались» (Грамота из Разрядного приказа... №13, С. 218–219). Отметим, что тут предписывается татарским станичникам действовать в ночное время.

Стычка с татарами из полков князя Хилкова описана в дневнике Луки Дзялынского. Случилось это 17 августа в лесах между Велижем и Великими Луками. Отряд из 200 пеших гайдуков расположился среди леса, возле реки, и большая часть воинства отправилась рубить деревья для наведения моста. В это время их начальник Выбрановский с поручиком поехали дальше осмотреться и наткнулись на трёх татар. Те кинулись было на них, но при виде ружей отступили и принялись звать своих. Выбрановский с поручиком бросились к гайдукам, и так навели на лагерь крупный татарский отряд. Как сообщает автор, «наших случилось тут только 8 человек, которые лежали... а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем

проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня, ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук... Таким образом татары ускакали, не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих» (Дзялынский, 1897. С. 28–29). Кроме того, ниже отмечено, что татары имели хороших лошадей и были богато одеты, что говорило об их силе («были людьми отборными») и находящихся поблизости их крупных сил (Дзялынский, 1897. С. 30). Возможно, среди них были арзамасские татары.

Во время осады Невеля татарские отряды с головами из русских людей ходили под город и разведывали положение осаждающих. Однако большой помощи от ратей Хилкова не было, о чём говорит грамота с выговором. В грамоте из Разрядного приказа от 27 августа написано следующее: «вы б нашим делом промышляли, смотря по тамошнему делу, подвинулися б есте со всеми людьми к Невлю, а перед собою послали посылки голов с татары человек до тысячи, а велели им на литовских людей приходить на заставы и на стада, а будет где возможно, ино б и на станы приходить, и промышляли, смотря по тамошнему делу, а вы б к ним подвигались, чтобы над литовскими людьми нашего дела поискати и Невлю б помочь учинити» (Грамота из Разрядного приказа... №21, С. 225–226).

Московское командование и воеводы не смогли оказать помощь осаждённым в конце августа Великим Лукам. Собрать войско, превосходящее численно королевскую армию во столько раз, что можно было бы наверняка её разбить в поле, не вышло, и 5 сентября город пал¹¹. После этого королевские отряды пошли в сторону Торопца, под которым стояли полки Хилкова. Воевода стал спешно отступать к городу. Вскоре и эти полки были изрядно побиты, после чего воевода Хилков был отозван (РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 167; Филюшкин, 2015. С. 339).

Военные действия продолжились в феврале следующего года. Попытки контрударов были для московских войск большей частью неудачны. Москва даже готова была пойти на ещё большие уступки для заключения перемирия. Потери служилых людей, особенно стрельцов и детей боярских, были, видимо, ощутимыми. Примечателен состав полков, стоявших во Ржеве весной – летом 1581 г. Состояли они на две трети из татар. В Передовом полку числилось 500 арзамасских татар с головой – князем Семёном Волховским и Иваном Любовниковым (Первая полковая роспись..., 1962. С. 267–269). К сожалению, дальнейшая деятельность этой «татарской» рати не освещена в известных нам источниках.

¹¹ После многолетних разорений городков, сёл и хуторов Ливонии и, в некоторых случаях, массовых казней военнопленных, чинимых царскими войсками, королевское воинство учинило в городе резню.

Однако, и польско-литовская сторона за годы войны понесла большие убытки. После неудачной осады Пскова Баторий пошёл на переговоры и в 1583 г. война официально завершилась.

А.А. Новосельским подсчитано, что из 24 лет войн в Ливонии 21 год отмечен татарскими набегами (кроме 1566, 1575, 1579) (Новосельский, 1948. С. 17). Русские полки выезжали на Берг и к Полю практически ежегодно, однако служилые татары почти никогда не участвовали в таких мероприятиях, будучи заняты в Ливонии. Мы обнаружили лишь несколько упоминаний о выездах татарских «царевичей», вероятно с дворами и казаками, против крымцев. Причём чаще всего дело ограничивалось стычками между мелкими отрядами («загонами») или вовсе без боевых действий.

В связи с усилившимся натиском на южное пограничье, московские власти задумались о более эффективной защите границ¹². В начале 1571 г. воеводе и боярину М.И. Воротынскому было поручено переустроить пограничную службу, для чего в январе – феврале в Москву вызвали представителей детей боярских, нёсших станичную службу в южных городах. Они были опрошены с целью «использовать опыт непосредственных участников охраны границ, подвести итоги фактическому состоянию пограничной охраны и на основе этого наметить формы и методы ее улучшения» (Чернов, 1954. С. 69). На основании этих расспросов 16 февраля был составлен приговор «о станичной и сторожевой службе» (Чернов, 1954. С. 70).

Главные задачи пограничной службы определялись так: ««чтобы украинам было бережнее, чтоб воинские люди на... украины войною безвестно не приходили». В нём были подробно расписаны обязанности сторожевых застав. «Сторожа должна стоять попеременно, с коней не слезая, и ездить по урочищам направо и налево, переменяясь по два человека, по воеводским наказам. Сторожа предписывалось расположение застав хранить в тайне, а также запрещалось делать станы и устраивать остановки в лесах. Нельзя было разводить огонь дважды на одном и том же месте, нельзя было ночевать в месте, где кто-то уже «полдничал», и наоборот. Все эти указания имели своей целью скрыть от противника расположение пограничной охраны и приучить сторожей и станичников к бдительности» (Чернов, 1954. С. 69–70).

Сторожевые заставы выставлялись в поле с 1 апреля сроком на шесть недель (включая проезд). Через шесть недель посылалась вторая «сторожа», за ней третья, потом снова первая, но уже сроком на месяц. Снимались сторожа к зиме (когда кочевники набегов не делали из-за трудности передвижения по снегу и откочёвки стад на юг). Строжайше запрещалось покидать свой пост до прибытия смены, «чтоб однолично сторожи без сторожей не были во весь год ни

¹² Отметим ещё один способ обезопасить окраины от набегов из степей – поджог поля. На некоторых направлениях прямо предписывалось «поле жечи» (Боярский приговор о пожге полей..., 1890. С. 16).

на один час». Кроме сторожевых застав, существовали также станицы – дозорные подвижные отряды. Они выставлялись теми же городами, что и сторожа, с 1 апреля, по 8 станиц с города. «Станицы посылались в дозор поочередно сроком на две недели, с 1 по 15 число каждого месяца. Через четыре месяца, 1 августа, станицы выезжали вторично и несли дозор до 1 декабря. Если к этому времени снега еще не было, станицы посылались и позднее в том же порядке. В случае, если находившаяся в дозоре станица подвергалась разгону или попадала в плен, на ее место немедленно высылались следующая за ней по очереди и соответственно этому изменялось расписание службы всех станиц» (Чернов, 1954. С. 70–71).

Все сторожа и станичники должны были иметь по две хорошие лошади. На плохих лошадях запрещалось выезжать в дозор. В случае обнаружения врага станичник должен был оповестить всех о нападении и, оставаясь в тылу врага, идти по его сакме (следу), определять численность и направление движения. Добытые сведения через товарищей доставлялись в ближайший город. Собрав достаточные сведения о численности противника и направлении его движения, станичник спешил с вестями к тем городам, куда держал путь враг. То же самое делали и сторожи. За небрежное охранение сторожей и станичников били кнутом, за оставление поста казнили, за простой на одной стоянке штрафовали (в размере полуполтины на человека в день).

Из-за того, что дворяне и русские казаки не могли эффективно предотвращать и отражать набеги, правительство стало активно привлекать к пограничной службе местных служилых татар и мордву. Они имели навыки жизни в лесостепи и степи, знали местные условия. Испомищали их в прорывоопасных районах.

Первоначальной задачей малочисленных сторожей на юго-восточных рубежах было именно предотвращение внезапных нападений, оповещение основных воинских сил на этот случай. Однако к рубежу XVI/XVII вв. численность застав (прежде всего из татар) на границе была увеличена, и теперь в их задачу входило также нанесение удара по вторгнувшимся отрядам степняков, перекрытие удобных для набега дорог и речных переправ (Сенюткин, 2001. С. 44). Очевидно, это было сделано по причине неэффективности первоначальной тактики противодействия набегам. Станицы возглавлялись станичными головами, на должность которых могли назначаться и татары (Дело по челобитной..., 1999. С. 57).

С 1570-х гг. в Арзамасском уезде появляются населённые пункты служилых татар, а к юго-западу от Арзамаса до совр. пос. Сатис – не менее 14 сторож, в задачу которых входило упреждение набегов. Поначалу татар было немного – 1–3 чел. на деревню. Они прикрывали прорывоопасное направление, разъезжая вдоль лесных засек или наблюдали за южной стороной. В эти места испомещались балаковские, кадомские, темниковские и др. татары. Первые годы службы прошли спокойной, однако арзамасские поучаствовали в последних

походах Ливонской войны (Сенюткин, 2001. С. 40–41)¹³. Уже в начале 1571 г. татары стали привлекаться к пограничной службе. В феврале того года вышло постановление о посылке сторож в Поле. В составе первой сторо́жи было 35 детей боярских и 50 казаков из юго-восточных городов, а также 30 татар и чуваш казанских и свияжских, 10 татар и 10 мордвин из Кадома, Темникова и Шацка. Всего 135 чел., из которых татары, чуваш и мордва составляли более трети (Боярский приговор о назначении мест..., 1890. №4. С. 6–7).

Чуть позже мордва и татары были на мещерских сторожах. В частности, по 4 татарина и мордвина из Кадома и Темникова (вместе с алатырскими казаками) должны были разъезжать в общей сложности на протяжении 60 вёрст на Шокше между Сурой и Мокшанским лесом (Роспись мещерским сторожам, 1890. №9. С. 11–12).

Алатырские места, при этом, оказались менее защищёнными и подвергались в эти годы набегам крымцев и ногаев, что потребовало создания сторож (станец) и на этом направлении. В 1580-е гг. вдоль южного течения Пьяны были испомещены служилые татары (не менее 60 чел.). В 1593–1594 гг. алатырские места подверглись нападению крымцев, в отражении которого участвовали в числе прочих алатырские и арзамасские служилые татары (Сенюткин, 2001. С. 43).

В течении трёх десятилетий численность служилых татар, прикрывавших юго-восточные рубежи, выросла и изменились их задачи: не только предупреждать набеги, но и сдерживать небольшие отряды, какими в основном и ходили крымцы и ногаи. С.Б. Сенюткин определял численность арзамасских и алатырских татар на рубеже веков исходя из примерного количества проживавших в пограничных поселениях и более поздних данных в 220–250 и более 400 соответственно (Сенюткин, 2001. С. 44). Но по разрядным записям 1581 г. арзамасских мурз и татар было уже 500 человек (Первая полковая роспись..., 1962. С. 268), а алатырских к 1615 г. – свыше 250. Поэтому определить более-менее точно численность этих корпораций на конец века затруднительно. Автор склонялся к тому, что численное превосходство алатырских татар определялось большей уязвимостью алатырского направления со стороны Крыма (Сенюткин, 2001. С. 45). Отметим, что разброс в цифрах мог быть вызван переводами служилых татар из одной местности в другую и обратно в течении последней трети XVI в.

Судя по упоминаемым в источниках прибавкам к земельным владениям, служилые татары могли эффективно выполнять возложенные на них обязанности по пограничной службе (Сенюткин, 2001. С. 45–46).

¹³ В книге С.Б. Сенюткина содержатся более подробные сведения об истории татарских населённых пунктов и фамилий.

Вторжения крупных, ханских сил происходили редко. В 1598 г. произошла последняя попытка вторжения крупного крымского войска в центральные уезды России. В её отражении приняла участие и арзамасская мордва. В марте в Москву стали поступать вести о том, что крымский хан сам собрался идти на Русь. Против него в поход новый царь Борис Годунов вышел лично (РК 1598. С. 517–519). В мае к засекам были разосланы отряды. К Тульской, Кортосеневской и Каширской засекам с Микифором Траханиотовым посылалась с Каширы арзамасская мордва (РК 1598. С. 525). Войны не случилось, после переговоров крымцы ушли.

Организация пограничных сил несколько отличалась от обычной войсковой, когда дети боярские и служилые татары одного уезда на месте сбора разбивались на тактические единицы «десятки», «полусотни» и «сотни» (не обязательно насчитывавшие соответствующее число бойцов) под командованием голов, пятидесятников и десятников, а головы уже подчинялись полковому воеводе (при служилых татарах, к тому же, могли быть русские приставы, а все татары одного уезда – до нескольких сотен человек – подчинялись одному татарскому голове из русских людей). Действовавшие на степных окраинах сторожи и станицы возглавлялись станичными головами, которыми могли назначаться и татары. Помимо голов или вместо голов в татарские отряды могли назначаться приставы. Источники не позволяют чётко определить различия в задачах голов и приставов, но, судя по этимологии слов, голова непосредственно командовал отрядом, а пристав – больше следил за командирами из татар и отрядом в целом. Ясачные люди также разбивались на «сотни» во главе с головами из русских детей боярских (Илюшин, 2021. С. 32–34).

Боевые задачи служилых татар были в целом схожи с теми, что выполняли мелкопоместные дети боярские: участие в полевых сражениях, разорение земель противника, перехват разъездов, разведка, захват языков (пленных для допроса), изредка – участие в штурме укреплений, а также охрана посольств. Служилых татар зачастую назначали в состав посольств в мусульманские страны, или посылали туда в качестве гонцов. Мордва (как служилые мурзы, так и ясачные люди), видимо, были менее боеспособны, чем татары, и их использование на войне было несколько ограничено. Так, нам не встречалось сведений о захвате ими языков, или о сопровождении мордвой посольств (Илюшин, 2021. С. 67–74).

Свидетельств о материальном благосостоянии нижегородских и арзамасских служилых татар XVI в. очень мало. Это тем более печально, что именно этот пункт является одним из важнейших показателей боеспособности и боеготовности той или иной группы служилых людей, поскольку поместная конница находилась на самообеспечении.

Редкие сохранившиеся документы по поместьям арзамасских татар показывают, что они были мелкопоместными (Книги новоусадцких тотар, 1916. №95; Отдельные книги, 1916. №96). По нижегородским служилым татарам сведений нет вовсе. Напомним, что

нижегородские дети боярские XVI в. также были в основном мелкопоместными (Балыкина, 2016. С. 130). Сомнительно, чтоб лучше дела обстояли у их соседей-татар.

Гораздо лучше известно землевладение татар XVII в., когда шёл процесс измельчания поместий. Известно, что в то время основная масса служилых татар владела поместьями по 15–20 десятин (30–40 четей) (Беляков, 2011. С. 248). Если посмотреть на материальное положение наиболее обеспеченных, касимовских татар, то тут мы видим следующую картину. В 1620-е гг. 70% касимовских татар имели надёлы в 20–150 четей. У остальных надёлы были чуть больше, и лишь незначительная часть была относительно богатой (Смотренный список, 2006. С. 381–383). В XVI в. русские дворяне с такими «феодами» почти все были без доспехов (Чернов, 1954. С. 79–80).

Если сравнивать с дворянскими служилыми городами последней трети XVI в., по которым известны оклады и вооружение, то выходит, что арзамасские и нижегородские служилые татары в основной массе, скорее всего, выезжали на службу на мерине, с саадаком (лук и стрелы) и саблей (и то не каждый). Только небольшая, наиболее состоятельная их часть могла позволить себе иметь пансыри (кольчатые доспехи) и шеломы (как это видно по тем же нижегородцам). Материальное благосостояние татар могло, впрочем, колебаться благодаря военным действиям в Казанском крае и Ливонии, откуда можно было пригнать полон.

Пока война в Ливонии шла для Москвы хорошо, служилые люди, в т.ч. татары и мордва, могли неплохо разжиться за счёт сельского и городского населения Ливонии. В первую очередь это относится к полону. Европейские авторы, бывавшие в те годы в Ливонии и приграничных российских уездах часто упоминали толпы мирных жителей, которых татары уводили в плен.

Вот, например, выдержки из сочинения Якоба Ульфельдта:

«Выехав из Городни, мы прибыли в Тверь. На этом пути повсюду нам встречались татары, возвращавшиеся из Ливонии и везшие с собой очень много пленных (некоторые из них были ранены), мужчин, женщин, девочек и мальчиков. Женщин и девушек, которых они берут в плен, распродают, делят между друзьями, а иным дают в виде подарка; те ими пользуются по своему усмотрению. Когда они им надоедают, их отпускают, прогоняют и оставляют другим на поругание» (Ульфельдт, 2002. С. 333). Далее: «5-го [Сентября] мы проехали Выдропуск, где нам повсюду встречались толпы татар с людьми, захваченными в окрестностях Риги» (Ульфельдт, 2002. С. 336). «В то самое время, когда нас там задерживали, по городу проводили большую толпу ливонских пленников (это кроме тех, которые повсюду попадались нам навстречу в пути), их было более 1000 – старики и молодые, мужчины и женщины. Некоторых из них татары везли в Московию, других распродавали в городе, поставив у входа в храм, чтобы все могли их рассмотреть» (Ульфельдт, 2002. С. 339).

Имелись, однако, ограничения для численности полоняников (по крайней мере для ногайских мурз), а также татарам запрещалось владеть православными людьми. Поэтому на восточные рынки и в поместья служилых татар и мордвы попадали люди немецкого, польского, литовского, финнского, шведского, эстонского и латышского происхождения (Трепавлов. С. 536; Беляков, 2011. С. 264; Моисеев, 2018. С. 414–418). Кроме того, царской канцелярией вёлся счёт полоняникам: «Да Петру же велено у татар и у русских людей полон литовской весь переписать и привести к государю роспись» (1580/1581 гг.) (РК, 1975. С. 323).

Несколько слов тут нужно сказать о военном значении всех служилых татар и мордвы в рассматриваемый период. В XVI в. в русской полководческой практике возобладала «татарская» стратегия¹⁴, сводившаяся к избеганию генеральных полевых сражений и нанесению хозяйства, инфраструктуре и численности противника максимального ущерба силами мобильных конных ратей. Более того, как пишут такие специалисты по военному делу Московского государства, как О.А. Курбатов и В.В. Пенской, московские воеводы рассматриваемого периода не имели чётких навыков командования большими силами на одном поле боя, что было вызвано отсутствием значительного опыта командования малыми и средними соединениями (которые высокородные молодые воеводы быстро проскакивали), систематическим избеганием «прямого дела» и отсутствием военной теории (Пенской, (2017. С. 13). По сути, в войнах с литовцами, шведами и ливонцами Москва добивалась перевеса, устраивая «Батыево нашествие» при невозможности противника воспрепятствовать разорению из-за низких мобилизационных возможностей (демографического, организационного и социально-политического характера). Конечно, не менее важное место занимало «градоимство», но основная часть военной службы детей боярских и татар сводилась именно к конным набегам и мелким стычкам. По мере же увеличения численности войск противника царь и его воеводы стали прямо указывать служилым на необходимость избегания больших сражений (в том числе из-за того, что поместная конница, как выяснилось, не могла уже эффективно противостоять современным методам ведения боя).

А.В. Беляков в качестве доказательств низких боевых качеств служилых татар времён Ливонской войны приводит единичные свидетельства о нестойкости их в полевом сражении (у Р. Гейденштейна), татарских дезертирах¹⁵ (у С. Пиотровского), а также исчезновение из разрядных записей имён татарских голов в виду отсутствия значимости таких назначений для местнических споров (Беляков, 2011. С. 203) (хотя из разрядных книг и войсковых смет

¹⁴ Наименование достаточно условно, поскольку подобная стратегия периодически практиковалась в средние века и во многих европейских странах, но для рассматриваемого периода и региона подобные методы ведения войны традиционно приписывались в первую очередь татарам.

¹⁵ Хотя дезертировали на сторону короля и русские дети боярские и князья, как и наоборот – от короля к царю (Пиотровский, 1882. С. 126; Зборовский, 1897. С. 9).

татарские головы никуда не делись и в первой трети XVII в. (РК 7123. С. 34, 45; РК 7124. С. 56–57; РК 1974. С. 254; Сметный список, 1849. С. 38, 48, 49)). Указывается и на низкую материальную обеспеченность татар и, как следствие, плохое вооружение (Беляков, 2011. С. 204). Однако для выполнения вышеозначенных видов службы (как и для участия в походе вообще) вполне достаточно было иметь пару лошадей и саадак, что было доступно и рядовым казакам. «Московские воеводы осознавали их перечисленные недостатки, но для того чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно» (Беляков, 2011. С. 204). В каких источниках сообщается такое мнение воевод – неясно.

При рассмотрении военной истории служилых татар периода войн в Ливонии мы не заметили большой разницы между ними и русской конницей в плане военных функций. Татары разоряли сельскую местность, захватывали языков и полон, били фуражиров и мелкие отряды, постоянно тревожили крупные силы противника, занимались разведкой, охраной обозов и посольств, а при необходимости обороняли осаждённые города. Этим же занимались дети боярские и дворяне. Поэтому мы не можем согласиться с А.В. Беляковым, утверждавшим, что в Ливонскую войну служилые татары выполняли сугубо вспомогательную роль в войске и наиболее часто использовались в качестве загонщиков (Беляков, 2011. С. 203–205). Русские дворяне могли выполнять чуть более широкие функции и из их наиболее обеспеченных и «честных» слоёв состояли элитные отряды (в то время, как основная масса татар была малообеспеченной и не могла иметь хорошее вооружение), однако значительных различий мы не наблюдаем. К тому же татары составляли значительную часть конницы – свыше 20%. Служилым татарам могли поручать такие ответственные задания, охрана обоза с провиантом, важных персон, русских и иноземных посольств, перехват вражеских гонцов, да и пограничная служба на степных рубежах, реорганизованная в связи с усилением натиска степняков, была важна.

Как сообщал Даниил Принц из Бухова (посол Священной Римской империи Даниэль Принц фон Бухау), «татары, помощью которых он [Иван Грозный] очень часто пользуется в войнах по причине очень необычайного мнения, которое он получил об них, живут, довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для них не ограничена. Однако очень многим, особенно начальникам, кроме того положено и содержание» (Принц, 1876. С. 31). Служилые татары ценились не только царём. Известен случай, когда воевода князь М. Ноздреватый пытался включить татар и новокрещенов из новгородских пятин в свой передовой полк, хотя посланы они были к В.Д. Хилкову (1580 г.) (Грамота из Разрядного приказа..., №19, С. 222–223).

Боепособность мордовских контингентов, судя по рассмотренным нами ранее примерам (Илюшин, 2021. С. 60–80), была ниже, чем у татар. Мордве поручали охрану обоза,

разорение территории противника, вероятно, привлекали к участию в полевых сражениях и даже к штурму городов, а иногда мордвины упоминаются на городской службе (на случай осадного сидения) или в остроге на засечной черте (в т.ч. на положении казаков и стрельцов). Кроме того, мордвины набирались в состав пограничных станичников, патрулировавших степные укрaines на случай нападений татарских и ногайских отрядов. Но следует отметить отсутствие сведений об участии мордвы в захвате языков; во всех крупнейших войнах России того времени этим занимались русские дворяне и служилые татары. По-видимому, мордовские ратники были к этому малопригодны. Не задействованы были они и в охране русских и иноземных посольств (в отличие, опять же, от татар).

Список источников и литературы

Балыкина М. И. Нижегородские дворяне и дети боярские XVI–XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации. Дисс. к.и.н. Нижний Новгород, 2016. 252 с.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.

Боярский приговор о назначении мест, где стоять головам на поле, и до коих мест ездить от них станицам // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. №4. С. 6–7.

Боярский приговор о пожеге полей, с росписанием: из каких городов станицам какая поля жечь // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. №13. С. 15–17.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Великие Луки о посылке ратных людей и его действиях в зависимости от направления неприятеля ко Пскову или к Смоленску / Документы Ливонской войны. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. 3. М.–Варшава: Археографический центр, 1998. №1. С. 205–206.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Великие Луки о сборе и присылке к нему ратных людей и служилых татар и его действиях в случае направления неприятеля ко Пскову или Смоленску, и об обороне Великих Лук // Документы Ливонской войны... №2. С. 208–209.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову о продвижении его войск к Холму и присылке к нему из Торопца отряда казанских татар // Документы Ливонской войны... №4. С. 210.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Холм о передвижении его войск к Торопцу в связи с направлением неприятеля с пушками на Велиж – Усвят – Невель // Документы Ливонской войны... №7. С. 213–214.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову о продвижении к Торопцу и посылке под Велиж татарских застав для «промышки» неприятелю на дорогах / Документы Ливонской войны... №13. С. 218–219.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о запрещении воеводе передового полка кн. М. Ноздреватому самовольно включить в свой полк служилых татар и мешерян и немедленной отправке мешерян во Псков, а татар – в большой полк / Документы Ливонской войны... №19. С. 222–223.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову с выговором за не присылку от него вестей и подмоги и с приказом о продвижении к осажденному неприятелем Невелю / Документ Ливонской войны... №21. С. 225–226.

Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлека Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева (Нагаева) (1613/1614) // Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII вв. Книга II. Опись фонда 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ / ред. Н.П. Воскобойникова. СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 1999. С. 57.

Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. М.: Университетская Типография, 1897. С. 18–68.

Дополнения к Никоновской летописи. II Так называемая царственная книга // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 303 с. (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2)

Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О. Н. Милевского. М.: Университетская типография, 1897. С. 2–17.

Измайлов И. Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 62–68.

Илюшин Б. А. Военное дело служилых татар Российского государства середины XV – XVII вв. Дисс. к.и.н. Новосибирск, 2017. 238 с. (прил. 239–344 с.).

Илюшин Б. А. К постановке вопроса о военном деле «служилой мордвы и черемисы» / Поволжские финны на перекрестке эпох: сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений // под ред. Е.В. Четвертакова, О.В. Гальцевой. Нижний Новгород: Новая гуманистическая культура, 2019. С. 27–34.

Илюшин Б. А. Участие мордвы, марийцев и чувашей в военных мероприятиях Московского государства XVI века // Вестник Пермского государственного университета. История. 2020. №2. С. 24–33.

Илюшин Б. А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Московского государства XVI–XVII вв. Новосибирск: НГУ, 2021. 240 с.

Ишеев М. Р., Акчурина М. М. Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 109–115.

Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. 804 с., 48 с. ил.

Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 108 с.

Книги новоусадцких тотар на Анчюринскую землю 103-го году [1595] // Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Тип. Лисснера и Д. Совко, 1916. №95.

Кузнецов С. К. Русская историческая география: Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. Вып. 2. Мордва. М., 1912. 73 с.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 224–314.

Моисеев М. В. Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Известия Саратовского университета. Серия: история, международные отношения. Саратов, 2018. №4. Т. 18. С. 414–418.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с. (ПСРЛ. Т. 13)

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.

Отдельные книги земель служилых татар [1595] // Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Тип. Лисснера и Д. Совко, 1916. №96

Отписка воеводы кн. В. Д. Хилкова в Разрядный приказ из Великих Лук о неприбытии к нему на службу нетчиков – коломнич, ярославцев и татарских голов [после 17 июня 1580] // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. Т. III. М.–Варшава: Археографический центр, 1998. №28. С. 231–232.

Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород. 2001 г. 240 с.

Пенской В. В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород: ИПЦ «ПО-ЛИТЕРА», 2014. 150 с.

Пенской В. В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времён Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 350 с.

Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. «Центр-полиграф», 2017 (Новейшие исследования по истории России). 318 с.

Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1962. С. 267–269.

Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. Псков: Типография Губернского Правления, 1882. XVI, 261, 11 с.

Принц, Даниил. Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / пер. И.А. Тихомирова. – М.: Университетская типография, 1876. Кн. 3. 512 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с. (РК 1598)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1981. 219 с. (РК 1605. Т. 2. Ч. 1)

Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. 2. Ч. 2. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР, 1982. 440 с. (РК 1605. Т. 2. Ч. 2)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982. С. 441–558. (РК 1605. Т. 2. Ч. 3)

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М.: Наука, 1984. 232 с. (РК 1605. Т. 3. Ч. 1)

Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР, 1974. С. 180–313. (РК, 1974)

Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1 / ред. И.Д. Беляев. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–60. (РК 7123)

Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. Книга 2. М.: Университетская типография, 1849. С. 1–86. (РК 7124)

Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М.: Наука, 1975. 430 с. (РК 1975)

Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. Т. 6. М., 1914. 610 с.

Роспись мещерским сторожам // Акты Московскаго государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. №9. С. 11–12.

Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Медина, 2001. 416 с.

Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Книга 4. М.: Университетская типография, 1849. С. 18–51.

Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // А.В. Беляков. Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–383.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.

Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002. 616 с.

Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. 2. <http://www.milhist.info/2015/04/21/filychkin_2> (21.04.2015)

Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. 2. С. 219–289 <http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1> (10.02.2015) (Филюшкин, 2015a)

Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / М.: Воениздат, 1954. 224 с.